

«Здесь живы древние дубы, свидетели эпохи»

Прошлое и настоящее Сестрорецких Дубков

Цепкий глаз Петра сразу заметил: длинный, чуть ли не на версту в море выдвинутый мыс с дубовой рощей на нем, вблизи от устья судоходной Сестры и ее заветной излучины, как бы заранее означившей место будущей плотины. Когда в сентябре 1714 г., после Гангутской виктории, царь обследовал земли на Карельской стороне залива, ему, казалось, сама природа подсказывала: быть здесь и заводу, и городу при нем, и царской резиденции — самой северной на балтийском побережье.

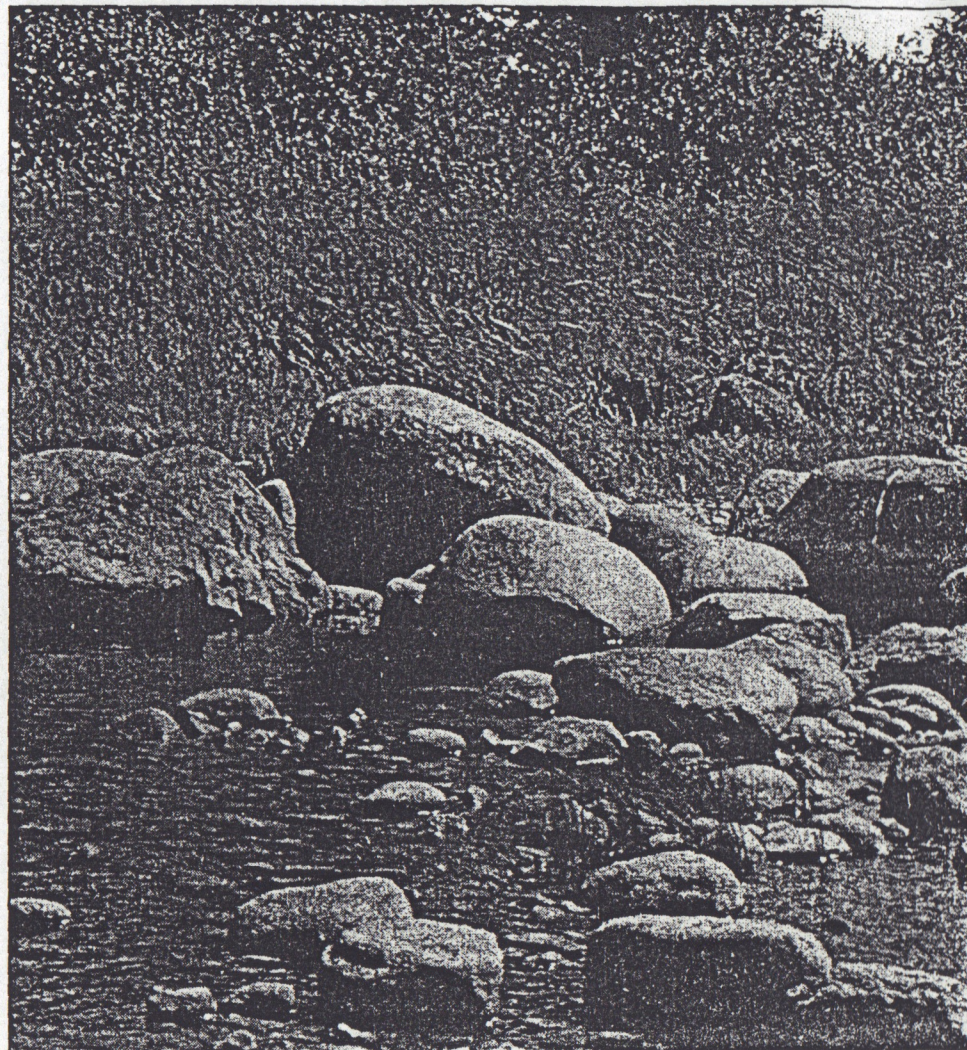
Роща была прочищена, пересечена просеками-аллеями — для этого одних только топоров новых 500 штук затребовал тогдашний дубковский «прораб» — капитан И. Алмазов, который тут и гавань, и дворец строил, и каналы прокладывал, и болото в сад превращал. В роще же было посажено еще 2000 молодых дубков — 10—15-летних саженцев. Сам Петр посадил 200.

Для царя рублен был поначалу «попутный дом», потом деревянные хоромы на самой оконечности мыса, ныне смытой морем, и наконец к лету 1724 г. — 275 лет назад — готовы были каменные палаты.

Двести футов длины (около 60 м) имел этот новый, из местного кирпича строенный дворец, трехэтажный в средней части, двухэтажный по краям. Просторный, с высокими на голландский манер окнами, с огромными ассамблейнными залами, с тремя десятками разновеликих покоев да покойцев, обогретых печами и новомодными каминами, с домовою церковью, с большой поварней, где пылала громадная печь. Прямо на берег, на южную сторону мыса, укрепленную полуторасаженой подпорной стенкой из бревен и камня, выходили 34 окна фасада.

На сто футов в высоту поднимался императорский штандарт на шпигле башни, венчавшей высокую мансардную крышу дворца. А как хорош с моря сам новый Дубковский дворец, вольно раскинувшийся на низком берегу косы, так же зелен и сад и дубовый уголок Петру молодой «архитект» — голландец Стефан ван Звиген: и самими палатами, где и хозяину жить любо, и гостей немалое число принять можно; и садом позади тех палат на трех десятинах бывшего болота разбитым.

Успел Петр порадоваться обновке — сестрорецкому своему Монплезиру, успел принять в новых палатах рапорт об окончании постройки завода. Успел 28 августа (по старому стилю) 1724 года показать и дво-

рец, и сад, и все цеха заводские именитым гостям заморским и попиравать с ними.

Но через пять месяцев не стало Петра, и резиденция быстро пошла к упадку. Правда, Екатерина ревностно берегла мужнину обновку. Недостроенное достраивалось, прохудившееся чинилось. Но недолго прожила императрица. По смерти ее, в 1727 г., забрали из дворца и сада все ценное (даже двери и окна!) для устройства других дворцов. Покинутую усадьбу некому было защитить от обветшания и непогоды. Многократные бури и наводнения, иногда с навалом льда, повреждали стены дворца, оранжерею, заносили песком и гравием возделанный сад.

К 1781 г. полуразрушенный дворец был разобран на кирпич, и пошел тот кирпич на строительство главной церкви Сестрорецка — на заводские нужды. Ровное место делалось там, где стоял дворец.

Но все-таки многое еще сохранилось в Дубках от петровских времен.

После прочистки 1993 г. хорошо заметной стала сохранившаяся планировка Голландского сада: квадраты партеров с прудами в их средней части, прямоугольная сеть дорожек, приподнятых над краевыми частями партеров — бывшими газонами-буленгинами. У начала одной из дорожек стоит сейчас небольшое строение, оно помечает про-

дольную, меридиональную ось сада. Когда-то эта дорожка упиралась как раз в середину дворцового фасада, в то место, над которым высилась башня. Сам же дворец был вытянут параллельно берегу и стоял между теперешней аллеей, идущей по невысокому валу, и полосой прибрежного криволесья.

Удивительно, но сохранились ряды свай, плотно пригнанных друг к другу и пеньками выступающих из каменистого морского дна; особенно хорошо видны они во время сгона воды при восточных ветрах. Тогда можно рассмотреть, что бревна — квадратного сечения и рублены «в замок». Эти пеньки — остатки тех высоких бревен, которые держали на себе каменную засыпку трехметровой террасы, на которой стоял дворец.

Сохранились и остатки дамбы, окружавшей гавань: при сгоне воды они хорошо заметны в виде каменной насыпи, отходящей от берега недалеко от бывшего дворца, к западу от него.

И Голландский сад, и каналы, и сваи, и остатки дворцового фундамента, погребенные под современным береговым валом и вскрытые шурфами археологов, и дамба гавани — все это сосредоточено в одном месте, на малой, чуть более 3 га площади. Казалось бы, совсем несложно если не запоевать, то хотя бы обозначить эти петровские реликвии. Но пока руки не дошли.

А еще сохранились по всей Дубковской косе старые дубы — и из тех, что при Петре были посажены, и из тех, что с незапамятных времен росли по всему побережью до самой Лахты. Могучие старые деревья и еще более старые, чудовищных размеров пни разбросаны по всему парку, но больше всего их на повышениях — естественных и искусственных гривах и валах, которые тянутся вдоль Дубковской косы тремя линиями. По оси парка расположена естественная гряда, в основании которой скопления валунов, пересыпанные слоями песков с галькой и гравием. Местами эта гряда наращена искусственно. Здесь проходит прямая, как стрела, центральная аллея парка, в конце которой, в тени оме древесных крон, манит и светится морская гладь. Когда-то эта аллея была главной дорогой, по которой от гавани доставляли к Оружейному заводу разные грузы. Дорогу не раз мостили (одно время она была даже конно-железной), всякий раз восстанавливая дорожное полотно, разбитое очередным наводнением. Сейчас высота полотна повсюду более двух метров над уровнем залива.

Из конца косы от центральной аллеи дву-

ма ветвями, вправо и влево уходит другая, огибающая аллея на таком же высоком полотно — насыпном валу. Она тянется вдоль обоих берегов косы к ее основанию, к «материку». В местах свежих размывов, почти каждый год образующихся с южной стороны, где была когда-то защищенная молом гавань, видно, что насыпной вал — это слоеный пирог. Есть тут и слои старинного кирпича крутого, лилового обжига, и цементная крошка, и гранитный, и доломитовый щебень, и прослой асфальта. Чтобы сила волн гасилась еще на подступе к насыпи, пять лет назад навезли и разбросали по берегу массу каменных глыб. Несмотря на это, осенне-зимние штормы 1998—1999 гг. снова наполовину сузили дорожку.

Море не устает обглаживать Дубковскую косу, сглаживать ее контуры, которые раньше, как видно на плане петровских времен, были куда более сложными, чем теперь: пять узких, как когти, мысков, оканчивающихся россыпями валунов, далеко выступали тогда в море. Они давно уже исчезли, а вместе с ними деревянный дворец и множество старых дубов.

Человек же почти три века не устает чинить размытое, привозить и сыпать камни, прокладывая дороги, сажать деревья и кусты.

Легко ли живется дубу у северной границы своего естественного произрастания, да еще в прибрежной полосе? Штормовые ветры, удары вóлн, несущих гальку и гравий, частые подьемы воды, морозные зимы и летние засухи, бедность почв элементами питания, их кислотность, переувлажненность, избыток каменистого материала, мешающего свободному развитию корней, — все это не позволяет здесь дубу давать устойчивый прирост. А если ко всем неблагоприятным факторам добавляются поражения грибами или насекомыми при их массовом размножении, то дерево, особенно старое, может и погибнуть. Наверное, многие помнят, как три лета подряд — в 1994—1996 гг. почти на дубках почти полностью уничтожались гусеницами дубовой моли. Это очень ухудшило общее состояние дубовых древостоев в последние годы. Есть и еще одна причина гибели старых дубов, совсем уж нелепая: некоторые посетители парка поджигают дупла деревьев.

Но, несмотря на все это, парк жив. Торчат из гнезд хвосты насидивающихся яйца ворон; подпрыгивают на ветвях, трепеща крыльшками, поющие скворцы; в дуплах прибрежных дубов уже гнездились самые ранние из летающих уток: крохали и гоголи.

А потом под пологом дубравы зацветают ландыши и черемуха, низинки заполняются белой пеней цветущей таволги, в густом пахучем воздухе висающей коварики и поденки — корм не только мелким воробьиным птицам, но и молодым, еще рябеньким, чайкам.

А потом ребятишки и бабушки, подвесив на шее обрезанные пластиковые бутылки от лимонада, спешат в малинники, выскриная в тайной тени ветвей прохладные сочные комочки ягод.

С весны до осени дубы «работают» на всех — зеленых, пернатых, ползающих, бегающих. И ходящих на двух ногах. С осени до весны — тоже: дают корм и защиту другим, готовят продолжение жизни себе.

Сверху издалека заметен Дубковский мыс с громадами рукастых дубов. Будто нацеленная в море стрела, указывает он путь летящим птицам. И тянутся над мысом крылатые цепочки: гусиные — подлиннее, лебединые — покорооче. Если ветер восточный и вода в заливе низкая, задержатся лебеди на пролете и будут, погружая в воду головы и забавно вскидывая белые гузки, кормиться на мелководье, на том месте, где стояли когда-то Петровы деревянные хоромы.

Медленно приходит весна в Сестрорецкие Дубки: долго таять льду на заливе и на озере, а пока не растает, и тепла не будет. Но с каждым днем света и тепла больше, снег и лед тоньше, и вот снова очистилась и подсохла земля, легко одетые веселые люди заполняют парк. Снова крутятся карусели, поскрипывают качели. Новенькие сестрорецканы спят в своих колясочках на детской площадке под присмотром юных мам. Скрипят уключинами лодки на большом пруду, тархатят и брызжуются водой гидропеды, распугивая стайки уток-чернетей. По аллеям совершают мощион чинные пенсионеры. На обновленной эстакаде пробуют пахнущий свежим деревом полтанцоры, певческие коллективы прилаживаются к новой акустике. На дубковском пляже босоногие волейболисты по шиколовке тейбут в песке, любители загара ищут укрытие от ветра, первые купальщики пробуют воду. И снова неумолчно поют скворцы, и все увереннее подает свой ни с чем не сравнимый голос дубковский соловей. В неумолимые женщины с интеллигентными лицами каждое утро ласкают дорожки парка своими граблями, и «причесанный» гравий долго хранит полукруглые штрихи зубьев. Хочется верить, что все это — на века.

О. РАСТВОРОВА,
кандидат биологических наук,
доцент СПбГУ